

СОНА СКОФИЛД

ОБРУЧЕННАЯ С
ПРОКЛЯТЫМ
ВСАДНИКОМ

Сона Скофилд

**Обрученная с
проклятым всадником**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Обрученная с проклятым всадником / С. Скофилд — «Автор»,
2026

Чернолесье поглотило Ветлины вместе с жителями. Лесная проводница Лада Мирова уверена: ее соседи еще живы. Но дороги к ним больше нет, а помочь способен мужчина, который с наступлением темноты ведет Дикую охоту. Лада заключает с Дареном Вейром обручение проводников: до конца пути они не бросят друг друга. Обещание не дает ему власти над ней, зато ее кровь уже стала следом для мертвых всадников. До девятой ночи им нужно вернуть лесу украденное Сердце: позже жителей Ветлин будет уже не спасти. Магия отнимает чувствительность ее руки, а чувство к опасному спутнику требует все большего доверия. Чтобы спасти свой дом, Ладе придется понять, чего Дарен боится сильнее: погибнуть или остаться в живых.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой жених	5
Глава 2. До первого рога	15
Глава 3. Глухой омут	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сона Скофилд

Обрученная с проклятым всадником

Глава 1. Чужой жених

Когда меня в третий раз не пустили к жениху, я предложила привратнику понюхать мою сумку.

Он посмотрел на меня так, словно за долгую службу ему случалось всякое, но подобной наглости еще не было.

— Там мед? — спросил он наконец.

— Там селение Ветлины.

Привратник перестал улыбаться. Я расстегнула пряжку, откинула мокрую ткань и показала кусок оконной ставни, оплетенный тонкими корешками. На железной петле осталось клеймо Милы: маленькая рыбка с раздвоенным хвостом. Железо было теплым. По свежему спилу медленно поднималась прозрачная капля. Из сумки пахло сырой землей и теплой кузнечной гарью. Привратник невольно подался вперед и сморщил нос.

— Окно в кузнице, — сказала я. — Его открывали вчера утром. Видите сажу? А теперь на месте кузницы растут деревья толщиной с вашу башню. Домов нет. Дороги нет. Но эта доска живая, хотя ее срубили лет двенадцать назад. Я слышала за ней молот.

К ставне мужчина не прикоснулся.

— Вам надо к распорядителю лесных дел.

— Я у него была. Он предложил вернуться после обручения. Я вернулась. Мне сказали: после большого обручения, которое закончится ночью. А потом Владыка уйдет. Куда мне приходиться завтра? В Чернолесье?

За спиной привратника две женщины растягивали по стене белое полотно. Оно было таким длинным, что одна уже исчезла за поворотом, а другая еще стояла у дверей, держа тяжелый рулон на животе. С двора донесся стук молотка: к столам прибавляли новые скамьи. Пахло горячим воском, пирогами и распаренной древесиной.

У нас в Ветлинах тоже готовились к осени. Тая обещала оставить мне первый сот без восковых крышечек. Мила собиралась перекрыть кузницу до дождей и уже заняла у меня деньги на доски. Люди делали вещи, для которых требовалось завтра.

— Мне не нужна королева, — сказала я тише. — Я не прошу отменить праздник. Мне нужно поговорить с человеком, который умеет проходить туда, где больше нет дороги.

— Он не человек.

Привратник произнес это быстро, почти сердито, и сразу отвел глаза. На шее у него под воротником висел крошечный мешочек из синего полотна. Такие мешочки перевозчики призывали к прибрежным ветвям, когда умирал кто-нибудь из семьи. Внутри лежал камешек с именем. Прежде вода забирала их осенью. Теперь они висели годами, пока ткань не сгнивала.

Я не стала спрашивать, кого он носил у сердца.

— Тогда тем более ему хватит пяти минут.

Он вздохнул, положил ладонь на створку и прислушался к шагам в коридоре. По вычищенным плитам шли двое мужчин в темных плащах. У одного на ремне звякали серебряные кольца. Другой нес длинный узкий футляр, обтянутый белой кожей.

Привратник толкнул меня в боковой проход так внезапно, что горшочек в моей второй сумке ударился о бедро.

— До зеленой двери. Дальше я вас не видел. И если спросит, сами заблудились.

— Спасибо.

— Не за что пока.

Зеленая дверь оказалась приоткрытой. Изнутри тянуло прохладой, хотя в узком окне лежало послеполуденное солнце. Я постучала костяшками и вошла, не дожидаясь ответа: ждать я уже научилась за это утро, и пользы от науки не было.

Мужчина стоял у стола спиной ко мне. На нем были темные штаны и расстегнутая у шеи рубашка, рукава которой он закатал до локтей. Никакой короны, рогов и кровавых пятен, о которых рассказывали на зимних посиделках. Он придерживал пальцем раскрытую карту и отмечал что-то углем. Возле его руки лежали нож, яблоко и три аккуратно выложенных огрызка от свечей.

— Еще рано, — сказал он, не оборачиваясь.

— Для чего?

Он поднял голову.

В первый миг я увидела только серебро вокруг его шеи. Три тонких плетеных витка лежали над ключицами; нижний уходил под рубаху, верхний тянулся к застежке у горла. Кожа под ним была красной. Потом мужчина повернулся, и я поняла, почему на зимних посиделках о лице Владыки рассказывали обычно женщины, а о рогах — их мужья.

Он не был красивым той гладкой красотой, какую резчики придают святым. Старый шрам тянулся от левого уха к челюсти, нос когда-то ломали, под глазами залегли тени. Но стоял он так спокойно, что тесная комната сразу показалась рассчитанной на него одного. Серебристая прядь у виска ловила солнечный свет. Я заметила ее, заметила открытое горло и рассердилась на себя за то, что вообще замечала подобное.

— Кто вас впустил?

— Дверь.

— Она редко бывает настолько самостоятельной.

Он отложил уголь. Мне показалось, что уголок его рта дрогнул, но уверенности не было. Я поставила сумку на стол, придавив край карты, и вытащила ставню.

— Лада Мiroва. Из Ветлин. Вчера наше селение забрал лес. Мне сказали, вы знаете ночные тропы.

Мужчина посмотрел на дерево. Его лицо изменилось не сразу; сперва он перестал тереть большим пальцем угольное пятно на указательном. Потом наклонился и осторожно повернул железную петлю к свету.

— Сколько людей оставалось в селении?

Я ответила. Тая перед осенними работами всегда считала едоков, потому что общий запас муки лежал в ее амбаре. Сто семь человек, включая приезжего кровельщика и его жену. Из постоянных жителей отсутствовали я, Нерта и двое братьев, ушедших с караваном на юг.

— Вы видели, как это началось?

— Нет. Я водила купцов через перевал. Вернулась к вечеру. Лес стоял уже на дороге. Сначала подумала, что свернула не туда. Нерта ждала меня у восточной пристани, собиралась везти мед в город. Она и доставила меня ночью. По воде вниз быстро, не то что два дня обходить пешком хребет.

Он молчал, и я продолжила, хотя вовсе не собиралась рассказывать ему, как бегала вдоль деревьев до темноты, сдирала ладони о кору и звала Таю. Одно воспоминание тянуло следующее. Мостик через канаву остался на месте, а за ним выросла ива. На ее стволе висела наша общая колотушка, которой созывали людей при пожаре. Я узнала зарубку, оставленную мною в детстве, только колотушка оказалась в трех человеческих ростах над землей.

— Я слышала молот, — повторила я. — Три удара, пауза, еще два. Мила всегда так проверяет заклепки. Доска торчала из развилки. Я ее выломала.

— И больше ничего не взяли?

— Вы думаете, мне надо было прихватить дерево целиком?

— Я думаю, вы могли вытащить за собой то, что лучше оставить внутри.

Я опустила взгляд на корешки. Один медленно скользнул по столу к карте, словно ошупывал нарисованную реку.

Мужчина поставил на него яблоко. Корешок обвился вокруг плода и остановился.

— Дарен Вейр, — сказал он.

— Я знаю, кто вы.

— Мое имя обычно знают хуже, чем должность.

Он придвинул стул. Только тут я поняла, что все еще стояла, вцепившись в ремень сумки, и колени у меня мелко дрожали после бессонной ночи. Сесть хотелось так сильно, что я осталась на ногах из одного упрямства.

— Вы проведете меня?

— Ночью — нет.

— Мне говорили, что днем вам пути закрыты.

— Большинство. Ветлины находятся за ними.

— Значит, ночью.

— Вы не доживете до деревни.

Он сказал это без торжественности, как проводник предупреждает о сорванном мосте. Я умела слушать такие предупреждения. Сама произносила их десятки раз. И все же сейчас мне захотелось ударить его, потому что в его спокойствии не было места Таинным рукам, Милиному молоту и сапожнику Брену, который непременно остался бы сидеть возле больной жены, даже если бы дом пошел под землю.

— Тогда скажите, как дожить.

Дарен провел ладонью по лицу. На запястье у него был след от тесного ремня, уже старый, белый.

— Сначала сядьте. Потом расскажите, почему эта доска еще не съела вашу сумку.

Я села.

Снаружи заиграла свирель, пробуя одну и ту же фразу. Дарен взял у окна чашку, налил воды из кувшина и поставил передо мной. Я выпила половину, только после этого заметив, насколько пересохло горло.

— Я попросила ее успокоиться, — призналась я.

— Доску?

— То, что в ней выросло. Обычную доску просить бесполезно. Она давно мертвая.

Он снова посмотрел на ставню, теперь совсем иначе.

Я не любила говорить о своем слухе. Люди сразу начинали приносить мне сухие ветки, больных детей, сломанные колеса и собственные несчастья. Словно способность услышать, где ива прежде пускала корни, означала, что я обязана исправить все остальное.

— Могу найти старый рост, — пояснила я. — Иногда попросить его вернуться. Ненадолго. Если дерево живо и еще помнит. Срубленное не отвечает. Умершие тоже. И дождь я не вызываю, если вы собирались спросить.

— Не собирался.

— Обычно спрашивают.

— Давно это с вами?

— С детства.

Его взгляд опустился на мою левую ладонь. Я невольно сжала пальцы.

— После сильной просьбы не чувствуете кожу?

Я медленно разжала руку. Возле основания большого пальца был светлый кружок, почти незаметный, если не знать. Дарен не протянул к нему пальцы, только посмотрел.

— Откуда вы знаете?

— В северном гарнизоне служила женщина, которая умела уговаривать ольху. Она однажды держала корнями берег, пока мы вытаскивали обоз. После этого не заметила, как опрокинула на руку кипяток.

— Она жива?

— Была жива, когда я видел ее последний раз. Двенадцать лет назад.

Он не предложил чудесного лечения. От этого я поверила ему больше, чем если бы предложил.

Дарен развернул карту. Две дорожки были перечеркнуты углем, третья заканчивалась возле неровного овала. Рядом чьей-то другой рукой было написано: «Вода стоит. Птицы есть».

— Здесь Глухой омут, — сказал он. — За ним старая сторожевая изба. А здесь Белый брод. Все дневные тропы прежде сходились у него. Если открыть старый путь, можно будет вернуть Ветлинам выход. Просто добраться до домов мало: людей еще придется вывести. Я пытался пройти дальше по дневной тропе. Она обрывается у живых корней. Ночью Охота проходит, но я не могу вести с собой живого человека.

— Почему?

— Потому что Охота пойдет за ним.

— А если спрятать след?

— Ненадолго можно. На всю дорогу — нет.

Я посмотрела на серебряные витки.

— Это заставляет вас ездить с ними?

— Это многое заставляет меня делать.

Он сказал «меня», и в комнате стало теснее. За зеленой дверью все так же играла свирель. Кто-то засмеялся, уронив, судя по звону, целую связку ложек. Здесь сидел мужчина, которому натирал шею его свадебный убор, а снаружи люди готовились хорошо поесть по этому поводу.

— Сегодня ее величество обновляет вашу присягу?

— Сегодня она собирается сделать ее полной.

— А до этого семь лет что было?

— Достаточно, чтобы вы пришли именно ко мне.

Он посмотрел в окно. Я увидела, как на мгновение дернулась жилка под его ухом, и поняла: вопрос я задала большее, чем собиралась.

— До закрытия троп девять суток, — сказала я. — На шестые будет равноденствие. Нерта каждый год считает по береговым столбам. Потом Чернолесье до весны не пропускает даже зверя. Если мои люди еще живы, ждать нельзя.

— Знаю.

— Тогда чего мы ждем?

Дарен усмехнулся, но без веселья.

— Вы пока сидите в комнате жениха королевы с растущей ставней на столе. Я бы не назвал это ожиданием.

В дверь постучали. Я потянулась к сумке, но Дарен уже накрыл карту свернутым плащом.

— Войдите.

Женщина в сером принесла поднос с белым шнуром, гребнем и узкой вышитой лентой. Увидев меня, она замедлила шаг. Дарен взял гребень и повернул его в пальцах.

— Нам понадобится еще вода.

Женщина покосилась на полную чашку передо мной.

— Ее величество ждала, что вы будете готовы к третьему колоколу.

— До третьего еще два.

— Первый уже был.

— Значит, один. Принесите воду, пожалуйста.

Она ушла. Дарен подождал, пока шаги стихнут, и положил гребень на стол.

— Теперь у нас мало времени. Дневной путь может открыться вам. Я смогу пройти рядом, если не получу прямого приказа оставаться. Но для этого надо разомкнуть внешний виток.

Я посмотрела на нож возле яблока.

— Серебро я не режу.

— И не надо.

Он расстегнул рубаху еще на одну пуговицу и повернулся ко мне боком. В верхнем витке, почти у самого горла, пряталась плоская застежка. Две ее половины были стянуты кожаной петелькой, такой тонкой, что я не сразу различила ее на покрасневшей коже.

— Петля натянута, — объяснил Дарен. — Пока застежка под нагрузкой, нож к ней не подойдет. Надо приподнять эту скобу. Деревянный клин ломается. Железный касается серебра — оба внутренних витка сжимаются.

— Откуда знаете?

Он посмотрел на меня. Я прикусила язык.

— Камень? — спросила я.

— Крошится. Здесь нужна живая древесина. Она не проводит приказ.

Я поставила на стол вторую сумку и вынула глиняный горшочек.

Рябина была жалкая: тонкий зеленый стебель, три листа, один чуть обгоревший по краю. Нерта растила ее в лодке, чтобы корни отводили чужой след от борта, и дала мне утром, когда мы расстались у речной пристани. «Поставь перед ними, — сказала она. — Пусть понюхают нормальный лес, раз про наш слушать не желают».

Дарен посмотрел на горшок, потом на меня.

— Вы обычно приходите просить о помощи настолько подготовленной?

— Обычно мне хватает веревки.

Он впервые улыбнулся по-настоящему. Улыбка появилась быстро и исчезла, но мне стало досадно, что исчезла так скоро.

Я коснулась стебля под нижним листом. Рябина отозвалась не голосом, а привычным ощущением пространства: тесная земля, влажный корень, прежняя развилка, которую Нерта обрезала весной. Дерево еще помнило толщину утраченной веточки. Вернуть ее можно было на несколько минут, если попросить точно и не требовать больше.

— Должно получиться, — сказала я. — Нужна твердая опора. Я не удержу ее и вас на весу.

— Во дворе каменный стол. На нем будет лежать конец узды.

— То есть перед всеми?

— Сейчас серебро прилегает к шее. Если ветвь пойдет не в ту сторону, вы проткнете мне горло. Во время обряда внешний виток раскроют и положат на стол, прежде чем замкнуть заново. Внутренние останутся на мне.

Я убрала руку от рябины.

— Что случится с всадниками, если я разомкну не то?

— Средний виток зовет меня на закате и удерживает их возле моего следа. Без него они разойдутся за любым живым. Внутренний связан с моим сердцем. Его не трогайте вообще.

Он говорил медленно, пока я не кивнула. Потом заставил меня показать пальцем нужную застежку. Я показала. Он поправил: не блестящую скобу сбоку, а серую, спрятанную под ней.

— Есть еще одно, — сказал он. — Не дайте своей крови коснуться серебра. Разомкнутый виток запомнит ее, и ночью всадники будут чувствовать вас через мой след. Подложите ткань под острый край. Если не сможете, отступите.

Я кивнула и оторвала полоску от подкладки плаща.

— А вы сами?

Дарен поднес руку к горлу. За ладонь до серебра его пальцы побелели и вдруг бессильно повисли, словно он ударился локтем о твердый угол. Он опустил руку и подождал, пока она снова начала двигаться.

— Присяга помнит меня.

В моей сумке шевельнулась ставня. Мы оба обернулись. Яблоко на столе лопнуло тонкой трещиной, и корешок втянулся под железную петлю.

Я вдруг очень ясно представила, как Мила сидит у горна и слушает, есть ли снаружи хоть кто-нибудь. Как Тая не позволяет выбросить мою миску со стола, хотя сама не знает, вернусь ли я. Все утро я ходила по каменным коридорам и старалась говорить вежливо. Вежливость никуда нас не привела.

— Допустим, получится. Что дальше?

Дарен подошел к окну и указал на низкую арку в западной стене двора.

— За ней сушильный двор. Потом калитка к речной лестнице. На нижней площадке стоят пустые бочки. За ними можно уйти к воде, не попав под стрелы сверху. Вам нужен человек с лодкой.

— У меня есть Нерта.

— Сколько до нее?

— Если по берегу — четверть часа. Если гнаться за мной станут всерьез, меньше.

— Гнаться будут за нами.

Он сказал это просто, и я почувствовала, что решение уже стало общим. Не обещанием незнакомца, которое можно забыть после праздника, а опасной работой на двоих.

— Ночью вы спрячете меня?

— Покажу место. Потом уйду к Охоте. Не зовите меня, если услышите рог. Даже если покажется, что я прошу.

Я хотела спросить еще многое, но за дверью остановились шаги. На этот раз не постучали.

Вошла женщина с темно-медными волосами и маленьким золотым листом в прическе. Я видела ее прежде издалека, на осенней раздаче зерна: она подавала детям яблоки и смеялась, когда один ребенок вместо яблока схватил ее за палец. Вблизи она оказалась моложе, чем я помнила. Или старше. Возле глаз были тонкие складки, а сами глаза смотрели так внимательно, будто успели увидеть все возможные лица.

— Вот ты где, — сказала Иара.

Я не сразу поняла, что обращалась она ко мне.

Королева подошла к столу. Взяла ставню за железную петлю, не касаясь корней, и повернула к окну. Я поднялась.

— Мне рассказали о твоём несчастье, Лада. Я распорядилась выдать вам с подругой комнату и содержание на зиму. Теперь тебе не придется снова идти к лесу.

Ее голос был теплым. Так разговаривала Тая с человеком, которого вытаскивали из ледяной воды: спокойно, без лишних вопросов, обещая сухое одеяло и горячее питье. Я поймала себя на том, что хочу поверить этому голосу. Хотела настолько сильно, что разозлилась.

— Там остались люди, ваше величество.

— Я знаю.

— Живые.

Иара поставила ставню обратно.

— Лес иногда оставляет нам то, чего мы больше всего хотим. Голос. Свет в окне. Привычный звук молота. Он умеет ждать, пока мы подойдем ближе.

Она не спросила, откуда я слышала молот. Я ей об этом не говорила. Могли передать люди, у которых я просила помощи утром, и все же Дарен перестал смотреть на карту.

— Я проводница, — сказала я. — Знаю, как лес зовет чужим голосом. Это было другое.

— Именно так говорят все, кто потом не возвращается.

Иара протянула руку к моему лицу. Я отступила раньше, чем успела решить, прилично ли отступать от королевы. Ее ладонь осталась в воздухе, потом спокойно опустилась.

— Простите, — сказала я.

— Не за что. Ты устала.

Она повернулась к Дарену и поправила край его расстегнутой рубахи. Он не пошевелился. Только пальцы правой руки медленно сжались, а потом разжались возле бедра.

— Нам пора, — произнесла Иара. — Люди пришли с самого утра. Им нужно видеть, что граница защищена.

— Граница сдвинулась на целое селение, — сказал он.

— Потому я и прошу тебя сегодня не спорить.

Она посмотрела на него не сердито, почти с печалью. От этого мне стало холоднее, чем если бы она приказала стражникам схватить нас обоих.

— Ты ведь не хочешь, чтобы подобное повторилось?

Дарен поднял глаза.

— Нет.

— Тогда идем.

Она ушла первой. Дверь осталась открыта. В коридоре ждали двое егерей и женщина с подносом. Дарен взял со спинки стула темный камзол, надел, не застегивая верх, и наклонился к моей сумке, будто поправляя упавший плащ.

— Вы можете уйти сейчас, — сказал он так тихо, что я едва услышала. — Я не стану вас удерживать за данное здесь слово.

— А вы?

— Я выйду во двор.

Я посмотрела на горшочек. На его боку высохла Нертина белая отметина: две полосы, означавшие, что дерево трогать нельзя, оно растет для переправы. Подруга отдала мне вещь, которую растила три года. У нее там осталась родная сестра. У меня — все, что делало путь домой нужным.

— Значит, встретимся во дворе, — сказала я.

Он задержался на мгновение, словно собирался возразить. Потом взял нож со стола и сунул в сапог. Я заметила движение и почему-то почувствовала облегчение. Мне не нужен был человек, который надеялся только на меня.

Когда они ушли, женщина с подносом предложила проводить меня к распорядителю. Я попросила сначала воды. Она нахмурилась, но кувшин уже стоял у двери, и спорить из-за него было нелепо. Пока она наливала чашку, я убрала ставню в сумку, завернула горшочек в край плаща и застегнула ремень так, чтобы добраться до него одной рукой.

Во двор я вышла вместе с женщинами, несшими белое полотно.

Солнечный свет резанул глаза. На каменных ступенях сидели люди в праздничной одежде, жевали пироги, переговаривались, придерживали детей за воротники. Вдоль стен стояли егеря. У каждого на левом рукаве была вышита серебряная ветвь. Между двумя рядами скамей оставили широкий проход к низкому столу из серого камня.

Дарен стоял возле него. Теперь на его шее поверх трех витков лежала белая лента, скрывавшая натертую кожу. Иара держала свободный конец серебряного плетения. Она улыбалась людям, и они улыбались ей в ответ. Я вдруг поняла, что большинство действительно любило ее. Люди не видели того, что видела я в маленькой комнате. Они видели женщину, которая каждый год обещала им еще одну безопасную зиму.

Я протиснулась за широкую спину булочницы с корзиной и стала ждать.

Пожилой мужчина у стола заговорил о границе, осеннем пути и служении. Слова я слышала, но смысл проходил мимо. Я следила за руками. Двое служителей подняли внешний виток над головой Дарена, осторожно высвободили из-под ленты и вытянули на камень. Два осталь-

ных остались у него на шее. Серебро оказалось длиннее, чем я думала: тонкое плетение разворачивалось из нескольких скрытых петель.

Иара положила ладонь на край стола.

— Семь лет ты водил Охоту ради Веледи, — сказала она. — Сегодня я предлагаю тебе разделить мою жизнь, чтобы ни время, ни смерть не отняли у нас защитника.

Дарен посмотрел прямо на нее.

— А если я откажусь?

Во дворе стало тихо. Где-то звякнула упавшая ложка.

Королева не перестала улыбаться, только подалась к нему чуть ближе.

— Ты знаешь цену отказа.

Я вышла из-за булочницы.

— Тогда сперва скажите ее всем.

Егерь у ближайшей колонны развернулся ко мне. Я уже поставила горшочек на край стола, под разложенную узду. Служитель протянул руку, собираясь убрать непонятную вещь. Дарен перехватил его запястье.

— Не трогайте.

— Здесь не место для твоего горя, — сказала Иара.

Я услышала, как за спиной кто-то шепнул: «Та самая, из Ветлин». Значит, меня уже успели обсудить. Хорошо. Пусть теперь слушали.

— Здесь место для вашей свадьбы. А сто семь человек остались в лесу. Я просила дать мне проводника.

— Я предложила тебе защиту.

— Мне нужна дорога.

Я продела стебель рябины под серую скобу и подложила под край серебра сложенную ткань. Земля просыпалась на камень. Левая ладонь накрыла тонкую веточку, правая нашла нож на поясе. Дарен шагнул ближе, заслонив горшок от егеря. Это движение было таким небольшим, что люди на скамьях могли принять его за нетерпение жениха.

Я попросила рябину вспомнить весну.

В ней еще жила вода Нертиной лодки, утренний ветер с реки, солнце на молодой коре. Я нащупала прежнюю развилку, ту самую, которую отрезали, когда она цеплялась за весло. Стебель под ладонью напрягся. Зеленая кожица потемнела, расправилась, и короткая веточка уперлась в каменную поверхность. Скоба медленно приподнялась.

— Дарен, возьми ее за руки, — приказала Иара.

Его плечи дернулись. Рука, заслонявшая меня от егеря, развернулась, пальцы сомкнулись на моем предплечье. Я увидела, как побелели его губы: он пытался остановиться и не мог.

— Сейчас, — выговорил он.

Я успела всунуть лезвие под петельку прежде, чем он перехватил мою вторую руку.

Серебро дернулось, ткань выскользнула из-под края. Острая кромка скобы прошла по основанию моей ладони; я почувствовала жар, потом липкость крови. Нож скользнул, но кожаная петля уже натянулась на его край. Я нажала еще раз.

Она лопнула с тихим сухим звуком.

Дарен резко втянул воздух и разжал пальцы на моем предплечье. Один конец серебра ударил по столу, второй остался в руке Иары. Два витка у его шеи потемнели, но не разомкнулись. Он устоял, держась пальцами за камень.

Я прижала порез к плащу. Возвращенная развилка исчезла, оставив прежний тонкий стебель, скоба упала, и земля из разбитого горшка рассыпалась по белому полотну.

Первым двинулся егерь. Я видела только его плечо и рукоять меча. Дарен ударил его предплечьем поперек груди, оттесняя от стола, затем выдернул нож из сапога и прижал к запястью, которым тот держал оружие.

— Убери, — сказал он. — Не заставляй.

Егерь замер. Я отступила к западной арке.

За егерем двинулись люди: родители уводили детей от обнаженного меча, скамья опрокинулась поперек прохода. Еще двое стражников остались по ту сторону толпы. До западной арки между нами и стеной было свободно; Дарен держал единственного егеря, успевшего подойти.

— Ты не понимаешь, что взяла на себя, — произнесла Иара.

Голос ее оставался негромким. Я видела страх на лицах людей и знала, что часть этого страха теперь заслужила сама.

— Два внутренних витка целы, — сказала я как можно громче. — Охота не освобождена. Иара посмотрела на Дарена.

— Так ты научил ее.

Он не ответил. У егеря дрожала рука, и Дарен медленно отвел от нее нож.

— У нас есть дневной путь, — сказал он королеве. — Я намерен проверить его.

— Ты намерен бросить границу ради этой женщины?

Я вышла из-за его плеча.

— Он идет ради Ветлин. А я пойду дневным проводником до Белого брода. Принимаю путь и обручение на его срок.

Слова старого обычая я слышала в детстве от Таинной подруги, которая водила караваны через северный лес с мужем. Она всегда смеялась, что сначала обручилась с дорогой, а уже потом поняла, что мужчина попался хороший. Там не спрашивали разрешения правителя. Два человека обещали возвращаться друг за другом, пока путь не кончится.

Только произнесла слова, я поняла, как они звучали здесь, возле свадебного стола. Дарен повернул ко мне голову. На мгновение между нами не осталось ни егеря, ни королевы, ни испуганных людей.

— До конца пути, — подтвердил он. — Дальше выбор останется за каждым.

Пожилый слуга вдруг опустил руку, которой собирался схватить меня за рукав.

— Пограничное слово, — пробормотал он.

— Молчите, — сказала Иара.

Этой короткой заминки нам хватило.

Дарен подхватил мой локоть и повел к арке. Я не позволила себе обернуться за рябиной. Она осталась на камне, с оголенными корнями и тремя зелеными листьями. Мне предстояло рассказать Нерте, куда делось ее дерево. Среди всего, что случилось, эта маленькая потеря вдруг показалась невыносимой.

За аркой хлопало на ветру мокрое белье. Мы проскочили между полотнищами. Кто-то закричал нам вслед, потом сзади загрохотали сапоги. Дарен толкнул калитку, но та оказалась закрыта на засов снаружи.

— Отойдите, — сказал он.

— Петли здесь.

Я схватила сушильный шест, сунула под нижнюю петлю и навалилась всем телом. Дарен подхватил шест рядом с моими руками. Дерево закрипело; мы нажали вместе, и старая петля вышла из растрескавшегося косяка. Верхняя выдержала еще один рывок. Калитка повисла косо, оставив нам узкую щель.

Первой пролезла я. Дарен следом. О край доски он разодрал рукав, но не остановился.

На речной лестнице пахло тиной и вымоченными бочками. Мы сбегали вниз, свернули за штабель, и сверху в доску ударила стрела. Дарен рывком прижал меня к каменной стене. Его рука легла мне на затылок, закрывая голову, а грудь на мгновение коснулась моей спины. Я услышала, как тяжело он дышал.

— Целы?

— Да.

Он отпустил сразу, как только вторая стрела вонзилась в бочку и стало ясно, с какой стороны стреляли. Мы пригнулись и побежали вдоль воды.

У пристани еще торговали яблоками. Старик с корзиной отшатнулся, увидев серебро на шее Дарена, но я уже тянула его за собой, мимо рыбацких сетей и связок пустых поплавков. Левая рука болела, кровь текла под манжету. Солнце касалось дальнего склона. До сумерек оставалось меньше часа.

Дарен остановился возле расколотого берегового столба и посмотрел на мою ладонь.

— Кровь попала на узду?

— Да. Немного.

Он выругался тихо, совершенно по-человечески.

— Что?

— Теперь мой след знает ваш.

Я посмотрела на лес за рекой. Между стволами уже легла темнота, хотя верхушки еще светились желтым. Дома Нерты отсюда не было видно, только торчал над камышами ее кривой дымник.

— Тогда пойдете быстрее, — сказала я. — Пока он не научился догонять.

Глава 2. До первого рога

Нерта встретила нас с лодочным багром.

Она стояла на верхней ступени своего дома, босая, в мужской рубаше поверх темной юбки. Рыжая коса была скручена на затылке так туго, что торчала в сторону коротким хвостом. У ее ног лежал мешок сухарей. За спиной, в раскрытой двери, я увидела еще два мешка, скатку одеял и мой лук.

— Ну? — спросила она.

Я остановилась в трех шагах от крыльца. Пока бежала, мне казалось, что я найду для нее правильные слова. Теперь слова исчезли, а на их месте остался Дарен, чье серебро невозможно было спрятать даже под поднятым воротником.

— Он знает путь.

Нерта посмотрела на него снизу вверх. Потом подняла багор.

Дарен не потянулся к ножу. Это было хорошо: Нерта могла принять движение за угрозу и ударить, не дослушав. Я шагнула между ними.

— Постой. Мы договорились.

— Кто с кем? Ты с ним? А меня спросить не надо было?

— У меня не было времени вернуться.

— Зато время привести к моему дому Охоту нашлось.

Ее голос сорвался на последнем слове. Я взяла багор за древко, ниже железного крюка, и осторожно отвела в сторону.

— Нерта. Мила жива.

Она перестала сопротивляться. Я увидела, как на ее щеке дернулась мышца.

— Ты ее видела?

— Нет. Но дерево отвечало. И он считает, что туда можно пройти днем.

— Я не говорил, что она наверняка жива, — произнес Дарен.

Мне захотелось обернуться и заставить его замолчать. Нерта, напротив, внимательно на него посмотрела.

— А что ты говорил?

— Что живой корень связал селение с лесным путем. Пока связь держится, есть возможность найти людей. Я не был в Ветлинах после исчезновения. Не стану обещать вам то, чего не видел.

Нерта опустила багор. Ее лицо стало серым под веснушками, но взгляд прояснился.

— Заходите. Только к двери не приваливайся, Владыка. У меня косяк гнилой. Еще свалишь, а мне потом перед хозяином объясняться.

Она развернулась и пошла в дом. Дарен посмотрел на меня.

— Она со всеми так?

— С вами пока вежливо.

— Учту.

В доме было тепло от печи. Нерта успела испечь плоские лепешки, и запах ржаной муки оказался таким знакомым, что у меня свело живот. С утра я съела только половину вчерашней груши. На столе стояли три чашки, хотя ждать она могла лишь меня.

Я посмотрела на третью.

— Для Милы, — сказала Нерта. — Еще утром поставила. Не пьясь.

Она сунула мне чистую тряпку и велела садиться. Дарен остался возле окна, откуда виднелась тропа с пристани. Пока я промывала ладонь, он рассказал о речной лестнице, егерях и стрелах. Нерта слушала, срезая с куска солонины тонкие полосы. На каждом неприятном слове нож ударял по доске чуть сильнее.

— Значит, моего дома к ночи не будет, — заключила она.

— Дом останется, если они решат вас допросить, — ответил Дарен. — Но оставаться здесь нельзя.

— Замечательно. А мне как раз хотелось сменить жилье. Крыша протекала.

Я затянула зубами конец повязки. Порез шел поперек основания ладони, неглубокий, но длинный. От серебряного края под кожу будто попало что-то холодное. Даже возле печи я чувствовала этот холод отдельно от боли.

— Я верну тебе деньги за рябину, — сказала я.

Нерта подняла голову.

— Какую рябину?

— Твою. Горшок разбился. Она осталась во дворе.

Подруга положила нож. Несколько мгновений мы молчали.

— Ты думаешь, я ее для красоты растила? — спросила она наконец. — Если помогла, значит, не зря. Только больше не обещай купить мне то, что три года поливала Мила. Возьмем у нее новый отводок, когда вытащим.

Я кивнула. Говорить в этот миг было трудно.

Дарен отвел взгляд от окна.

— Где ваша лодка?

— Под мостками. Вторая, смоленая. Первую все знают, на ней мои полосы.

— Сколько возьмет?

— Троих и груз. Если ты не собираешься обернуться конем.

— Не собираюсь.

— Уже легче.

Она бросила солонину в мешок, завязала, затем стала распределять поклажу. Я взяла свою дорожную сумку, лук и колчан с девятью стрелами. Три из нихгодились только на птицу, наконечники у остальных были узкие, охотничьи. Нерта сунула мне еще две из собственного запаса. Дарену досталась скатка одеял и тяжелый котел. Он принял их без слова, словно всю жизнь ходил с нами.

— Меча у вас нет, — заметила я.

— Остался у стражи перед обрядом.

— А впереди лес.

— Возьму то, что найдется.

Нерта достала из-под лавки короткий тесак в потертых ножнах.

— Милин. Держала здесь, когда на переправе работала. Если потеряешь, ей сам скажешь.

Дарен вынул клинок на ладонь, проверил обух большим пальцем и кивнул.

— Скажу.

Нерта еще несколько мгновений держала ножны, не отпуская. Потом разжала пальцы.

Мы вышли через заднюю дверь. Я обернулась на пороге: три чашки так и стояли на столе, одна с потемневшим ободком, две белые. Подруга заперла дверь и спрятала ключ в щель под ступенью. Сделала это машинально, по привычке. Дом, может быть, обыскали бы еще до ночи, но человек все равно прятал ключ, потому что собирался вернуться.

Дарен остановил нас перед низким навесом.

— Нужно договориться прежде, чем мы сядем в лодку.

Нерта поставила мешок.

— Ты только сейчас придумал?

— До заката осталось немного. Я не смогу плыть с вами всю ночь.

Он растегнул верх камзола. Серебро на шее выглядело темным, будто его держали в дыму. У основания горла поднимался тонкий белый след — не пар, скорее бледное мерцание воздуха над холодной водой.

— Когда подаст голос первый рог, я должен буду выйти на берег. На второй всадники пойдут по моему следу. Если останусь рядом, они найдут вас.

— А если не выйдешь? — спросила Нерта.

— Они все равно найдут меня. И вас вместе со мной.

Я посмотрела на порезанную ладонь.

— Вы сказали, теперь мой след связан с вашим.

— Кровь попала на разомкнутую застежку. Она запомнила вас. Не каждую женщину на свете, не всех, с кем вы стояли рядом. Только вас.

— Ткань соскользнула, — сказала я. — Я думала, успею.

— Я видел.

— Когда вы схватили меня, я не могла отодвинуть руку.

Он опустил глаза на мое предплечье, где остались следы его пальцев.

— Знаю. Мне жаль.

Я прижала повязку другой рукой. Впервые после двора страх добрался до меня по-настоящему. До этого были движения: отодвинуть скобу, бежать, прикрыть голову. Теперь я стояла под Нертиным навесом, слышала, как капает с крыши вода, и понимала, что принесла с собой не только чужую погоню. Что-то мертвое знало, где я находилась.

— Можно смыть?

— Нет. Но можно спрятать. Ненадолго. За водой они возьмут след хуже, за живыми корнями — еще хуже. К утру серебро успокоится. Завтра мы уйдем дальше.

— Завтра вечером оно снова вспомнит?

— Да.

Нерта резко втянула воздух. Я не стала на нее смотреть.

— А вы сможете остановить их, если они доберутся до нас?

Дарен задержал ответ. Мне понравилось, что он хотя бы думал, прежде чем обещать.

— Всех сразу — не знаю. Я могу увести их за собой. Для этого вы должны не двигаться с места и не откликаться. Они берут голос быстрее, чем запах.

— Даже если вы позовете?

— Особенно если позову я.

Я подняла на него глаза. В сумрачном навесе его лицо казалось строже, чем во дворце. Свет ложился на серебристую прядь, на скулу, на пальцы, сжатые вокруг ремня скатки. Он был рядом, живой и теплый, и это почему-то делало рассказ о ночи страшнее.

— Я могу не справиться, — сказал он. — Вы должны это понимать.

Нерта забрала мешок.

— Понимаем. Дальше что?

— Вы останетесь у ивы под Желтым обрывом. Там корни прикрывают береговую пещеру. Вода почти закрывает вход, зато люди с дороги ее не увидят. До первого рога мы успеем.

— Если не сядем на песок, — заметила Нерта. — После полудня воду спустили на мельничный рукав. Ты реку сегодня видел?

Дарен посмотрел на нее внимательнее.

— Только сверху.

— Тогда за реку отвечаю я. Ты покажешь обрыв. Лада следит за камнями. Если говорю пригнуться — пригибаетесь. Если говорю бросить мешок — бросаете. Никаких благородных споров из-за котла.

Он кивнул.

Я вдруг подумала, что королева, наверное, никогда не говорила ему таких простых вещей. Что человеку, которого все называли Владыкой, могло быть странно получить приказ пригнуться, потому что иначе ветка ударит по голове.

Лодка пахла смолой и вчерашней рыбой. Мы спустили ее с коротких катков, погрузили мешки под среднюю лавку и оттолкнулись. Дарен сел на носу, я посередине, Нерта у кормы с длинным веслом. Она не стала брать меня на второе: порез был слишком свежим.

Берег поплыл назад. Дом подруги скрылся за камышами, потом исчезла и городская башня. Над водой кружились мелкие мухи. На мели стояла цапля, не желавшая уходить даже тогда, когда нос лодки прошел в двух шагах от ее ног.

Я смотрела на берег и невольно искала егерей. Каждый прямой ствол казался человеком. Каждый всплеск за кормой — второй лодкой.

— Они не знают, где мы выйдем, — сказал Дарен.

— Пока.

— Пока.

Нерта перевела лодку ближе к зарослям. Ее лицо стало сосредоточенным, рот сжатым. Я знала этот взгляд: она уже перестала спорить с событиями и занялась тем, что умела.

— Слева камень, — сказала я.

— Вижу.

— За ним еще один, под водой.

Она повернула весло. Дно шоркнуло по песку, лодка дрогнула и снова пошла свободно. Дарен подался в сторону, удерживая равновесие, прежде чем мы успели попросить.

— Вы плавать умеете? — спросила я.

— Умею.

— Хорошо. На всякий случай не хватайтесь за меня, если перевернемся. Я с сумкой не выплыву.

— А вы не хватайтесь за котел.

Нерта фыркнула.

Я отвернулась к реке, чтобы он не увидел улыбку. Она показалась мне неуместной. В Ветлинах оставались люди, за нами гнались, до первого рога было все меньше времени. Но я улыбалась, и это было почти больно — обнаружить в себе что-то, кроме страха.

За поворотом река расширилась. На правом берегу выросли старые ивы. С их ветвей свисали синие узелки, потемневшие от дождей. Некоторые уже провалились в воду и цеплялись за корни обрывками ткани.

Нерта замедлила ход.

— Здесь глубже, — сказала она. — Под самыми узелками.

Я подняла голову. Ближайший мешочек был сшит из детского рукава, с крошечными пуговицами. Рядом висел кожаный, перевязанный желтым шнуром. Имена внутри не читались. Люди оставляли их воде, а вода год за годом возвращала обратно.

Дарен смотрел на них неподвижно.

— Вы знаете, кто едет с вами? — спросила я.

— Не всех.

— А некоторых?

Он кивнул.

Я хотела спросить, почему они не уходят, но Нерта подняла весло. Мы замолчали. Впереди, за низкой косой, стукнуло дерево о дерево. Потом донесся мужской голос.

— Держи выше! Выше, говорю!

Нерта направила лодку к берегу и ухватила за свисающую ветку. Дарен осторожно наклонился вперед. Над косой мелькнули два шлема. Егеря спускали небольшую плоскодонку, причем один явно не знал, что с ней делать, и толкал в воду кормой поперек течения.

— Они нас обошли, — прошептала я.

— Дорога короче реки, — ответила Нерта.

Ее пальцы побелели на ветке. Лодка стояла под кривой ивой, почти скрытая узелками. Течение прижимало нас к корням, вода тихо плескалась о борт. Егеря могли увидеть нас, если повернулись бы. Пока они смотрели на плоскодонку.

Дарен снял скатку с колен и передал мне.

Я схватила его за рукав.

— Нет.

Он посмотрел на мою руку.

— Я собирался сдвинуться к корме. Нос слишком низко.

Я отпустила его. Мне стало жарко.

— Простите.

— В другой раз сначала спросите.

Егерь на косе наконец развернул лодку правильно. Второй сел, держась обеими руками за борта. Первый оглянулся на дорогу и крикнул кому-то, чтобы не отставали. Значит, людей было больше двух.

Нерта наклонилась ко мне.

— За этим корнем рукав. Узкий. В низкую воду может не пустить.

Я посмотрела туда, куда она указала. Между камышами темнела полоска воды, почти закрытая нависающим стволом. Ее нельзя было заметить с середины реки. Но лодка проходила туда только без лавок и груза — по крайней мере, такой она казалась отсюда.

— Дай посмотреть.

Я легла грудью на борт и вытянула правую руку с длинным веслом. Уперла конец в дно. Глубина была достаточной до самого ствола, дальше весло ткнулось в твердое.

— Песчаная гряда. Короткая. За ней снова вода.

— Протащим?

Я взглянула на Дарена. Он уже снимал сапоги.

— Протащим, — сказал он.

Я не успела возразить: он спустился за борт, вода поднялась ему до середины бедра. Лодка сразу стала легче. Нерта оттолкнулась от ветки и ввела нос в узкий рукав. Я пригнулась под стволом, прижимая к груди лук. Кора прошла в пальце от моего лица.

Сзади плеснула вода, затем раздался короткий удар. Дарен стиснул зубы. Он не вскрикнул, но я увидела кровь на его правом плече: при толчке он задел низкий обломанный сук, разорвав рубашку и кожу. Он налег на корму, и лодка поползла по песку.

Нерта работала веслом, отталкиваясь от дна. Я подалась вперед, стараясь разгрузить заднюю часть. Вещи под лавкой съехали, котел глухо стукнул. С косы тут же окликнули:

— Кто там?

Дарен толкнул еще раз. Лодка сорвалась с гряды и едва не ударилась о противоположный берег. Нерта перехватила весло, удержала нас, а я вцепилась правой рукой в камзол Дарена. Он подтянулся и перевалился через борт так осторожно, как позволяла тяжесть мокрой одежды.

Мы прошли под низкими ветвями. За спиной кричали, но в рукав никто не вошел: плоскодонка была шире нашей лодки. Еще несколько поворотов, и голоса стихли.

Я отпустила его рукав только тогда, когда поняла, что все еще держала.

— Плечо, — сказала я.

— Позже.

— Оно течет.

— Вода тоже. Сначала выйдем из рукава.

Нерта не обернулась, но кивнула, соглашаясь с ним. Я прижала к его плечу свернутый край чистой тряпки и держала, пока лодка ползла между корнями. Он не спорил. Один раз повернул голову; его лицо оказалось близко, и я увидела мелкую морщинку у глаза, совершенно обычную, человеческую. От него пахло речной водой, кожей и холодным металлом.

Мне захотелось убрать серебро с его шеи. Сильнее, чем следовало хотеть прикоснуться к незнакомому мужчине.

Я сосредоточилась на повязке.

Когда мы снова вышли на открытую воду, солнце уже скрылось. Над дальним берегом оставалась узкая светлая полоса. Дарен показал Нерте желтый склон, нависший над рекой.

— Туда. Под левую иву.

— Я вижу только корни.

— За ними вход.

Мы приблизились. Вода у подножия обрыва была темной и спокойной. Толстые корни свисали с уступа до самой реки, образуя неровную решетку. Между двумя из них оставалась щель, куда человек мог протиснуться боком. Для лодки места не было.

Нерта выругалась.

— Ты говорил, пещера.

— Она там.

— А лодку мне куда? На голову?

Дарен посмотрел вверх, на иву, затем на меня. Я поняла раньше, чем он заговорил.

— Попробую, — сказала я. — Но недолго.

— Вам нужно только попасть внутрь. Пусть корни вернутся после.

Я коснулась ближайшего левой ладонью через повязку, ничего не услышала и осторожно отодвинула ткань. Кровь на коже уже подсохла. Под пальцами было мокро, шероховато и холодно.

Ива помнила обвал. Несколько лет назад часть берега сползла в воду, корни повисли, потом медленно стали тянуться вниз, закрепляя новый склон. Я нашла тот миг, когда между ними еще проходила лодка, и попросила его вернуться.

Корень не сдвинулся.

— Лада? — тихо спросила Нерта.

— Дай мне.

Я наклонилась дальше, опираясь грудью о борт. Порез отозвался острой болью. Ива была старой, тяжелой, и память ее лежала глубоко. Я слышала, как под корой движется вода, как новые мелкие корешки держатся за ил. Просьба пугала дерево: слишком много раз оно теряло землю.

Я не стала тянуть. Вместо этого нашла в его памяти более маленькое движение — два корня, разведенные течением прошлой весной. Только их. Несколько шагов. Несколько мгновений.

Один медленно скрипнул. Второй пополз в сторону, отряхивая комья глины.

— Теперь, — сказала я.

Нерта толкнула весло. Лодка вошла в щель, тесно задев бортами древесину. Дарен придержал корень правой рукой, чтобы не ударил меня по голове, затем отпустил. Мы скользнули в темноту. Над нами оказался низкий каменный свод, впереди — узкая полоса сухого песка.

Я убрала ладонь.

Корни сошлись у входа. Свет между ними превратился в тонкие неровные полосы.

Нерта вытащила лодку носом на песок и только потом позволила себе выдохнуть. Дарен выбрался следом. Я осталась сидеть, глядя на левую руку. Порез болел, но рядом с ним появилось странное пустое место. Я коснулась кожи правым пальцем и не почувствовала прикосновения.

Круг стал больше.

Я медленно натянула повязку обратно.

— Сколько взяло? — спросил Дарен.

— Немного.

— Покажите.

— Я сказала, немного.

Он посмотрел на мое лицо и не стал настаивать. Вместо этого опустил на корточки у входа, прислушался и провел ладонью по серебру, не касаясь застежки. Дыхание его стало тяжелее.

Нерта зажгла маленькую глиняную лампу, прикрыв огонек ладонью. Пещера оказалась глубже, чем казалась с воды. В дальнем углу лежали остатки старой рыбацкой сети и несколько полусгнивших досок. На своде чернела копоть: кто-то уже прятался здесь или просто переждал непогоду. Из трещины по камню стекала чистая вода.

— Огонь погасите до рога, — сказал Дарен.

Нерта кивнула. Она достала лепешки, разломила одну и протянула ему. Он хотел откатиться, но она вложила хлеб в его руку.

— Живые едят, — произнесла она. — Пока ты здесь, ешь.

Он откусил. Я тоже взяла кусок и вдруг поняла, что была голодна настолько, что могла расплакаться от теплой корочки. Нерта заметила и отвернулась, делая вид, что ищет солонину.

Мы ели стоя, потому что времени сесть уже не оставалось. Дарен показал нам узкий выход в верхней части пещеры: лаз уходил в землю между двумя корнями и вел к зарослям на склоне. Пролететь можно было без мешков. Если придут живые егеря, следовало уходить туда. Если мертвые — оставаться внизу, не двигаться и не говорить.

— Вы здесь уже прятали людей? — спросила я.

— Да.

— Они выжили?

— Двое выжили. Третий вышел на голос жены.

Я перестала жевать.

Дарен не отвел глаз.

— Поэтому я прошу не отвечать. Они не всегда понимают, что повторяют. Иногда вспоминают собственные слова, иногда ваши. Разницы для вас нет.

Нерта опустилась возле мешка. Ее руки вдруг стали медленными. Я знала, что она подумала о Миле.

— Если услышишь ее, держись за меня, — сказала я.

— А ты за меня.

Мы кивнули друг другу, словно договаривались о самой обычной переправе.

Дарен снял с плеч мокрый камзол, отжал край рубашки и снова надел. Пятно на плече расплзлось, но кровь уже не текла. Я подошла с чистой полосой ткани.

— Дайте перевязать.

Он посмотрел на вход.

— Не успеем.

— Тогда хотя бы прижмите.

Я сложила ткань, вложила под разорванный рукав и подтянула верхний край камзола, чтобы держал. Он стоял неподвижно. Я чувствовала тепло его кожи сквозь мокрую рубаху и старалась не думать, насколько близко находилось его горло.

— Спасибо, — сказал он.

Нерта погасила лампу: за корнями стало совсем темно.

В полутьме я едва видела его лицо. Он шагнул к корням, но я остановила его, коснувшись рукава.

— Подождите. Во дворе я сказала слова. Вы ответили. Мы так и не договорились, что это значит для нас.

— То, что вы сказали. До конца пути.

— И вы не можете исчезнуть, решив, что мне будет лучше одной.

Дарен посмотрел на мою руку на своем рукаве.

— Если останусь после рога, вам точно не станет лучше.

— Скоро я отпущу. Я говорю о завтра.

Он молчал. Потом медленно кивнул.

— Я вернусь, если смогу. Если не вернусь к полудню, идите к Глухому омуту вдоль восточного берега. Не ждите до следующего вечера.

— Это не очень похоже на обручение.

— Зато похоже на дорогу.

Нерта пошарила в лодке и вытащила маленький деревянный круг, на котором держалась запасная вязка для сети. Рябиновая древесина потемнела от рук и воды. Она разрежала веревку, затем уперла круг в край лавки и расколола его ножом на две неровные половины.

— Возьмите уже, — сказала она. — А то будете до утра обсуждать, кто кому что не должен.

Я взяла одну половину. Дарен вторую.

— Не бросать на пути, — произнесла я. — Не решать за другого, куда ему идти. Если передумаем после брода, сказать прямо.

— Согласен.

— И никакого права на меня из-за слов во дворе.

Его взгляд поднялся к моему лицу. В нем на миг появилось что-то теплое, почти насмешливое, и я вдруг очень остро почувствовала, что речь шла не только о правилах.

— На вас, Лада, трудно было бы получить право даже с письменным разрешением всех богов.

Нерта тихо хмыкнула.

Я хотела ответить, но снаружи донесся низкий протяжный звук.

Он был похож на охотничий рог, но не совсем. В обычном роге слышно дыхание человека, трещинку в звуке, неточность губ. Здесь звук шел ровно, без начала и без усилия, словно сама дальняя вода получила голос.

Дарен закрыл глаза. Серебро на его шее натянулось. Он убрал половину круга за ворот и наклонился к узкой щели между корнями. Для одного человека она была достаточной. Вода плеснула у его сапог.

— До утра, — сказал он.

Я не стала повторять. Боялась, что мой голос выдаст больше, чем хотелось.

Он выбрался наружу. Несколько мгновений я видела его темный силуэт у воды. Затем он поднялся по корням на склон и исчез.

Второй рог прозвучал ближе.

Мы сидели в глубине пещеры, прижавшись спинами к холодному камню. Нерта держала багор поперек коленей. Я положила лук рядом, хотя понимала, что стрелять в то, чего не видишь, бессмысленно. Руки все равно требовали занятия.

Сначала ничего не происходило. Вода шуршала у лодочного носа, из трещины падали капли. Наверху пробежал мелкий зверек, посыпался песок. Я считала вдохи и каждый раз теряла счет, когда чудилось чужое движение за корнями.

Потом по берегу прошла лошадь.

Я слышала копыта на камне. Четыре удара, пауза, еще два. Почти как Милин молот. Нерта резко повернула голову ко мне, и я взяла ее за запястье.

Над входом остановились.

— Здесь, — сказал чей-то молодой голос.

Я перестала дышать.

Сквозь корни проступил бледный свет. На воде появилась тень лошадиной головы, длинной шеи, свисающего повода. Потом тень распалась, и я увидела всадника.

Он выглядел совсем юным. На нем была старая куртка с высоким воротом, застегнутая криво, на одну пуговицу ниже нужного. Лицо казалось вымытым до белизны. Глаза я не различала, зато отчетливо увидела блестящий латунный кружок у горла.

Он наклонился к воде.

— Здесь, — повторил он, но уже неуверенно.

Нертино запястье стало твердым под моей ладонью. Я боялась, что она дернется, но подруга сидела неподвижно. Из-за плеча всадника показались другие силуэты. Их было много. Я не могла сосчитать: стоило перевести взгляд, и между двумя возникал третий.

Серебристая полоса скользнула вдоль берега.

Дарен вышел из темноты пешком.

На нем оставалась та же мокрая одежда, только за спиной тянулось что-то похожее на обрывки тумана. Серебро на шее светилось. Его лицо я видела плохо, но узнала походку и то, как он держал правое плечо чуть выше левого.

— Дальше, — сказал он.

Юный всадник повернул голову.

— Здесь.

— След ушел вверх. Иди за мной.

Дарен шагнул к склону. Никто не двинулся.

Я увидела, как он сжал кулак. Ветер поднял край его камзола. На мгновение мне показалось, что он смотрел прямо на меня, сквозь корни и темноту.

— За мной, — повторил он.

Голос стал ниже. От него задрожала вода у лодки. Юный всадник выпрямился, но один из стоявших сзади повернул коня к реке.

Нерта вцепилась свободной рукой в мой рукав.

— Мила, — прошептала она почти беззвучно.

Я зажала ей рот ладонью.

За корнями действительно прозвучал Милин голос. Негромкий, сердитый, каким она звала сестру домой, когда та задерживалась у соседей. Я знала этот голос. В нем даже была привычная хрипотца после работы у горна.

Нерта рванулась. Я обхватила ее обеими руками, прижала к себе, чувствуя, как порез вспыхнул болью. Она вцепилась мне в плечо, не пытаясь ударить, просто ища опору. Из горла у нее вырвался короткий сдавленный звук.

Всадник у воды повернул голову.

Дарен ударил ладонью по серебру на своей шее.

Я не поняла, что он сделал. Только увидела, как он согнулся, будто ему в живот вонзили нож, и как одновременно все лошади подняли головы. Белый свет на узде стал резким, почти ослепительным.

— Мой след, — выговорил он. — Мой.

Потом побежал вдоль берега.

Охота рванулась за ним.

Копыта загрохотали так, что с потолка посыпались мелкие камни. Один удар пришелся совсем рядом со входом, по толстому корню. Ива дернулась. Между корнями открылась узкая щель, и я увидела, что молодой всадник остался.

Он смотрел вниз, на раздавленный синий мешочек, упавший с ветки в воду. Латунная пуговица у его горла качалась на одной нитке.

— Не помню, — сказал он.

Я не ответила. У меня под ладонью тяжело дышала Нерта.

Всадник коснулся своего воротника, словно проверяя, на месте ли что-то важное. Потом повернул коня и ушел за остальными.

Тишина вернулась не сразу. Еще долго где-то далеко стучали копыта, перекликались рога, шумели деревья. Мы сидели, не разжимая рук. Нерта перестала дрожать только тогда, когда у нее свело пальцы.

— Убери, — прошептала она.

Я сняла ладонь с ее рта.

— Прости.

— Не за это. С плеча убери, больно.

Я разжала вторую руку. Она осторожно вытерла лицо рукавом. Потом отобрала у меня мокрую повязку, молча перевязала ладонь заново и села рядом, касаясь меня плечом.

— Это не она, — сказала я.

— Я знаю.

— Ты почти пошла.

— Знаю, Лада.

Я замолчала. Мы слушали воду, пока темнота не стала понемногу редеть. Я пыталась думать о дороге к омуту, о запасах, о том, что надо просушить тетиву. Но всякий раз перед глазами появлялся Дарен, согнувшийся от собственного прикосновения к серебру.

Я не знала, что он сделал и чего это ему стоило.

К рассвету из трещины перестали падать капли: холод прихватил верхнюю воду. Нерта дремала сидя, положив голову на мешок. Я смотрела на просвет между корнями и уговаривала себя не выходить.

Когда снаружи плеснуло, я сразу подняла лук.

— Не стреляйте, — сказал Дарен. — Я еще не вернул тесак.

Я опустила оружие так быстро, что тетива ударила по пальцам.

Он стоял за корнями, опираясь на ствол. Лицо было серым, губы потрескались, правый рукав потемнел до локтя. Серебро снова стало тусклым. Никакого тумана за плечами, никакого ночного света. Только человек, который едва держался на ногах.

Я протиснулась наружу и подставила ему плечо.

— Вы опоздали, — сказала я зачем-то.

Он посмотрел на светлое небо.

— До полудня еще далеко.

— Все равно.

Дарен не стал спорить. Его ладонь легла мне на здоровое плечо, тяжело и осторожно. Я помогла ему пройти внутрь, и впервые за всю ночь смогла вдохнуть полной грудью.

Глава 3. Глухой омут

Утром я узнала, что Владыка Дикой охоты не любил, когда ему промывали раны.

Он сидел на краю лодки, сняв камзол и рубашку до пояса, и смотрел на меня с таким выражением, будто я лично придумала боль, мокрую ткань и необходимость не дергать плечом. Нерта поставила рядом чашку с остывшей кипяченой водой. Маленький огонь у задней стены уже погасили; дым успел уйти в верхнюю щель.

— Еще немного, — сказала я.

— Вы это говорили три раза.

— Потому что вы три раза отодвинулись.

— У вас очень убедительные руки.

— Тогда послушайте их и сидите ровно.

Нерта с удовольствием жевала сухарь. Она успела поспать под утро и теперь выглядела лучше нас обоих, хотя глаза еще были красными. Когда Дарен наконец отвернулся и позволил убрать прилипшую кровь, подруга спрятала улыбку в чашке.

Порез на правом плече оказался длинным, но неглубоким. Хуже выглядела кожа под серебром. Там, где ночью он ударил ладонью по виткам, остались темные полосы, и я не понимала, были это ожоги или следы сдавливания. На груди у него белели старые шрамы. Я старалась смотреть только на тот, с которым могла что-нибудь сделать, но получалось плохо.

— Что было ночью? — спросила я. — Когда вы коснулись узды.

— Я вернул им свой след.

— Через боль?

— Через кровь. Под нижним витком есть шипы. Обычно они не касаются кожи. Я замерла с мокрой тканью в руке.

— Обычно?

Он посмотрел на серебро так, словно речь шла о неудобной детали снаряжения.

— Если прижать, касаются.

Я продолжила промывать плечо. Сказать что-нибудь о том, что он не должен был так делать, было легко. Труднее вспомнить, что в это время я держала Нерту, рвавшуюся на чужой голос, и ничего другого предложить не могла.

— И все пошли за вами?

— Почти.

— Один остался. Молодой, с латунной пуговицей.

Дарен поднял голову.

— Что он сделал?

— Посмотрел на мешочек с именем. Сказал, что не помнит. Потом уехал.

Он несколько мгновений молчал. Я выжала ткань и взяла сухую полоску.

— Вы знаете его?

— Его зовут Ясь. Иногда он помнит это сам. Иногда приходится напоминать.

— А почему не помнит?

— Слишком долго ездит.

Нерта перестала жевать.

— Он был живым?

— Все они были.

Это прозвучало так просто, что я не сразу поняла весь смысл. Я привыкла думать об Охоте как о чем-то, что всегда существовало в темноте: злые всадники, чужие кони, рога, которыми пугали непослушных детей. Ночью Ясь смотрел на узелок почти по-человечески. Теперь мне стало стыдно за это «почти».

Я затянула повязку на плече Дарена, провела полосу под мышкой и закрепила спереди. Он следил за моими пальцами. Я ощущала этот взгляд так ясно, что дважды запутала конец ткани.

— Туго? — спросила я.

— Нет.

— Если начнет мешать руке, скажите.

— Скажу.

Я отступила, а он взял рубашку. Только после этого я смогла нормально посмотреть ему в лицо. Он заметил. Конечно, заметил. Но не улыбнулся и не сделал замечания, за что я была ему благодарна больше, чем следовало.

Нерта вынула из мешка остатки еды и разложила на доске. Лепешек хватало на день, сухарей — еще на два, если экономить. Солонины было мало. Сушеная рыба оказалась такой соленой, что после нее пришлось бы выпить половину омута. Я пересчитала стрелы и переложила тетиву в сухой карман.

— Лодку забрать нельзя, — сказала Нерта.

Она произнесла это, глядя на меня, и я поняла, что она видела, как я проверяла левую ладонь после корней.

— Я могу снова раздвинуть вход.

— Не надо. Дальше все равно через лес. Поставим на сухое, укроем. Если вернемся к реке, возьмем.

— А если не вернемся этим путем?

— Тогда кто-нибудь найдет хорошую лодку и порадуетя. Я переживу.

Она погладила темный борт, как гладят собаку перед долгим уходом, и отвернулась. Я не стала спорить. Мы вытащили лодку целиком на песок, перевернули и сложили под нее вещи, которые не могли нести: запасную веревку, старую сеть, тяжелую деревянную черпалку. Котел оставили себе. На этот раз я не посмотрела на Дарена, но услышала его тихий смешок.

У верхнего лаза он остановился и протянул ладонь.

— Теперь ваша очередь.

— Я сама перевязала.

— Знаю. Покажите, что получилось.

Я хотела сказать, что он не лекарь. Но и я не была лекарем, а промыть ему плечо это не помешало. Я молча размотала повязку.

Он взял меня за запястье, не касаясь пореза. Его пальцы были теплыми. Большой палец лег на внутреннюю сторону руки, туда, где бился пульс, и я вдруг ощутила его слишком отчетливо. Дарен посмотрел на рану, потом на светлое пятно возле нее.

— Здесь чувствуете?

Он легко прикоснулся к основанию мизинца.

— Да.

— Здесь?

— Нет.

Он поднял глаза. Я выдержала взгляд.

— Раньше пятно было меньше, — призналась я. — Теперь примерно с орех. Оно не растет само. Только когда я прощу слишком сильно.

— Возвращается потом?

— Нет.

Он не вздохнул, не посмотрел укоризненно и не предложил мне больше никогда не пользоваться даром. Просто завернул чистую повязку так, чтобы узел не приходился на порез.

— Тогда проверяйте кожу глазами, — сказал он. — Особенно после огня. И скажите мне, если не можете держать вещь.

— Держать могу. Рука двигается.

— Хорошо.

Он отпустил меня. Я еще несколько мгновений чувствовала его пальцы на запястье, хотя прикосновение уже закончилось.

Нерта подняла мешок на плечо и полезла в лаз первой.

— Если вы закончили, у нас осталось восемь дней и очень мало терпения.

Снаружи было сыро и светло. Лес днем оказался не похож на ночные рассказы. Под ногами лежали желтые листья, между ними росли мясистые грибы, с невысокой сосны сердито стрекотала птица. Вода блестела в каждой развилке. Я привыкла читать такой лес: где проходил зверь, где человек с тяжелым мешком, откуда вечером потянет холодом.

Здесь привычные приметы то и дело не сходились.

След косули начинался возле камня и заканчивался перед нетронутым мхом. На березе висели свежие листья, а у корней лежали прошлогодние, не потемневшие за зиму. Один ручей тек в гору. Я присела возле него, посмотрела внимательнее и поняла, что вода шла по наклонной трещине, а склон только казался ровным. Это было маленькое облегчение: хоть что-то объяснялось обычным глазом.

Дарен шел впереди, но часто останавливался и давал мне проверить путь. Его карта осталась во дворце. Теперь он рисовал нужные повороты палкой на земле, а я сверяла их с местом. Нерта шла последней. Она единственная видела нас обоих и могла заметить, если кто-нибудь начинал отставать.

У старой сосны Дарен предложил спуститься вправо. Нерта сразу возразила.

— Там смолокурская вырубка. К обеду утонем в колеях.

— Она выводит к омуту.

— Выводит. Только после дождя люди ее обходят сверху. Ты ночью здесь проходил?

— Да.

— Вот и разница. Твоим коням сапоги сушить не надо.

Он посмотрел на меня. Я присела возле следа и ткнула землю палкой. Под тонкой коркой лежала жидкая глина.

— Нерта права. Сверху полчаса лишних, зато ноги останутся целы.

Дарен кивнул и уступил мне место. Я вышла вперед.

Это было небольшое действие. Он просто отошел в сторону и позволил мне вести. Но после вчерашнего утра, проведенного перед закрытыми дверями, мне захотелось повернуться и сказать ему спасибо. Я не сказала. Вместо этого выбрала сухую тропу между двумя грядами, по которой Нерта смогла пройти, не раздирая юбку.

Через час мы нашли первые смолокурские метки: две короткие зарубки на ольхе, одна темная, другая выбеленная золой. Дерево можно было брать, когда подойдет время. На соседней иве висела плетеная косица из травы. Ее не трогали: родовая, старше ближайшего поселка.

Я приложила к стволу здоровую руку, просто чтобы почувствовать прохладную кору. Дарен не отозвался, и я не стала звать. Хотелось хотя бы немного пройти обычным человеком.

Нерта остановилась возле старой ямы для выжигания угля. В яме стояла вода, на краю валялась сломанная лопатка.

— Здесь работал Брен с братьями, — сказала она. — До того как стал сапоги шить. У него первая жена от дыма кашляла, вот он и ушел из смолы.

— Его вторая сейчас в Ветлинах, — ответила я.

— Знаю. Он сам мне рассказывал, что купил ей теплые чулки, а она ругалась, что дорого.

Мы замолчали. Дарен не спрашивал, кто такой Брен, но слушал. Я видела, как имена людей постепенно меняли для него наше селение. Сто семь переставали быть числом.

К полудню деревья расступились, и впереди появилась вода.

Глухой омут не был круглым озером. Он расплзался между низкими островками, заливал старые канавы, прятался под ряской и снова открывался темными плесами. На дальней стороне стояли ивы, наклоненные в одну сторону, словно кто-то долго тянул их за ветви. Над водой не летало ни одной мухи. После шумного леса тишина показалась такой плотной, что я невольно остановилась на краю.

— Раньше здесь была гать, — сказала Нерта.

Она ткнула багром под ряску. Железо ударило по дереву. Следующий удар ушел глубже и ничего не нашел.

— И дальше? — спросила я.

— Раньше дальше тоже была.

Дарен снял мешок.

— Когда я пришел сюда в последний раз, мостки еще держались до той ивы.

— Когда?

— Три недели назад.

Я посмотрела на ствол у противоположного берега. Он казался слишком далеко для короткого перехода. Вода могла скрывать старую дорогу целиком, а могла оставить лишь несколько опор. Проверять ногами я бы не стала.

Нерта указала на узкую полоску камыша слева.

— Смолокуры держали там плот. Если не унесло, переправимся.

Мы пошли вдоль берега. Я проверяла землю перед каждым шагом. Иногда мох упруго подавался, и тогда приходилось возвращаться, искать твердый край. Дарен шел рядом, готовый подхватить Нерту, но она отмахивалась раньше, чем он протягивал руку.

Плот мы нашли. Он лежал под камышом, привязанный к старому пню. Четыре толстых бревна, поперечины, несколько досок сверху. Две веревки сгнили; третья держалась на одной упрямой пряди.

Нерта села на корточки и молча рассматривала дерево.

— На троих не пойдет, — сказала она наконец. — Два крайних пустые внутри. Поднимешь — рассыплется.

— По одному?

— На середине развалится даже под котлом.

Я достала нож и срезала темную щепку. Древесина под ней превратилась в мягкую труху. Просить было некого. Я убрала нож.

Дарен посмотрел на живую иву у воды. Ее корень шел вдоль берега, потом уходил под ряску. Я заметила взгляд.

— Нельзя просто вырастить мост через весь омут.

— Я не прошу.

— Но подумали.

— Подумал, что она когда-то стояла дальше от воды. Возможно, под корнями осталась дорога.

Я посмотрела еще раз. Он был прав. Наклонный ствол вырос на старой насыпи; теперь ее размыло с обеих сторон, но середина могла держаться. Если пройти до дерева, дальше началась цепочка сухих островков.

— Обойдем слева, — сказала я. — Только мешки сперва оставим. Проверим налегке.

Мы положили поклажу на пень. Нерта осталась возле нее, а мы с Дареном пошли вдоль старой насыпи. Он выломал длинную сухую жердь, я взяла вторую. Первые шаги земля держала. Потом под ногой хрустнуло, и я отступила.

Под водой лежала доска. Ее поддерживали два живых корня, но левый уходил в сторону, оставляя провал. Я присела и коснулась коры левой ладонью. Ива отозвалась быстро: она пом-

нила, как корень рос прямо, прежде чем вода подмыла насыпь и заставила его искать опору ближе к берегу.

Я могла вернуть его на несколько минут. Этого хватило бы пройти. Но потом он снова уйдет, и дороги назад не станет.

— Сначала найдем выход с той стороны, — сказал Дарен, словно прочитав не мысли, а то, как я медлила. — Не тратьте руку на половину пути.

Я убрала ладонь.

В этот момент из-за воды позвали меня по имени.

Тихо, почти ласково. Так звала мать, когда возвращалась с пасеки и не хотела будить Таю, дремавшую после обеда. Я подняла голову раньше, чем успела подумать.

На дальнем островке между ивами стояла женщина в светлом платке.

Я знала, что мать умерла. Знала, сколько лет прошло, как долго мы с Таей сидели возле ее постели и как потом мне не удавалось вспомнить голос без усилия. Теперь голос был здесь, простой и ясный, без той мучительной пустоты, в которую я всякий раз попадала, пытаясь его удержать.

— Лада, иди сюда. Здесь сухо.

Дарен взял меня за локоть.

Я дернулась, но не потому, что хотела пойти. Просто его рука вдруг стала чужой на фоне этого голоса. Сердце билось быстро, как у ребенка, который слишком долго прятался и наконец услышал, что его ищут.

— Не отвечайте, — сказал он.

Женщина повернула голову. Лица я не видела, только белую полоску щеки под платком.

— Ты же промокнешь. Я покажу.

Мать всегда говорила иначе. Не «промокнешь» — «наловишь в сапоги». Смешная мелочь, которую я не вспоминала много лет. Я ухватила за нее, как за край лодки.

— Это не она, — сказала я себе.

Дарен не возразил и не попытался оттащить силой. Он только держал локоть, пока я смотрела на воду. Женщина сделала шаг, и в том месте, где должна была появиться нога, ряска осталась нетронутой.

Я опустила голову.

— Я никуда не пойду.

— Знаю.

— Не знаете.

Он отпустил меня.

Я несколько раз вдохнула, проверяя, что воздух входил в легкие нормально. Потом повернулась к Нерте. Подруга стояла у пня и смотрела не на женщину, а чуть правее. Ее лицо было неподвижным.

— Нерта! Смотри на меня.

Она вздрогнула.

— Я слышу. Не ори.

— Что ты видишь?

— Никого. Дверь кузницы. Открытую.

Мы посмотрели друг на друга, и от этого стало легче. Если у каждой было свое, значит, перед нами не настоящая дверь и не мать.

Дарен стоял лицом к воде. Его рука медленно сжималась вокруг жерди. На дальнем берегу больше никого не было, но он продолжал смотреть в одну точку.

Я коснулась его рукава.

— А вы?

Он ответил не сразу.

— Женщину у дерева.

— Знакомую?

— Да.

В его голосе появилось что-то такое, что я не стала спрашивать дальше. Он отвернулся сам и первым посмотрел на настоящую иву, чьи корни держали старую насыпь.

— Там выход, — сказал он. — Видите сухой камень за стволом? От него до другого берега можно пройти по кочкам. Я проверю.

— Один?

— Вы останетесь у этого корня. Если подастся, скажете.

Я хотела возразить, но он уже осторожно ступил на полузатопленную доску. Не бросился доказывать храбрость, не сделал вид, что все легко. Проверил жердь, перенес вес, подождал. Я следила за корнем. Он держался.

Дарен дошел до ивы, повернул за ствол и исчез из виду. Несколько мгновений я слышала только воду. Потом он появился на сухом камне, поднял руку и пошел дальше, к островкам.

Нерта подошла ко мне с мешками.

— У тебя губы белые, — сказала она.

— У тебя тоже.

— Всю жизнь мечтала, чтобы Мила хоть раз оставила дверь открытой. Теперь вот получила.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Я забрала у нее свою сумку.

На дальнем берегу хрустнула ветка.

Мы обе подняли головы. Между стволами стоял человек в егерском плаще. Живой: я видела, как его дыхание поднималось белым паром возле лица. В руке у него был короткий лук.

— Не двигаться! — крикнул он.

Дарен остановился на последней кочке. До человека оставалось шагов десять, между ними лежала темная полоска воды.

— Уберите лук, — сказал Дарен. — Здесь нельзя шуметь.

— Владыка, именем королевы я требую...

Он не договорил. Слева, там, где я прежде видела мать, кто-то громко позвал его. Егерь дернулся всем телом и повернул голову. Я не разобрала слова, но увидела, как изменилось его лицо. Лук опустился.

— Не отвечай! — крикнула я.

Он шагнул в сторону.

Кочка, на которую он поставил ногу, оказалась коричневой ряской. Человек ушел в воду по пояс, вскинул руки, успел ухватиться за ветку. Ветка сломалась. Он исчез до подбородка, захлебнулся и стал бить ладонями по поверхности.

Дарен бросился к нему.

— Назад! — закричала Нерта. — Под тобой тоже пусто!

Он остановился на краю, лег животом на кочку и протянул жердь. Егерь ухватился, но тут же потянул ее на себя, дергаясь всем телом. Дарен скользнул вперед. Мох под его грудью разошелся.

Я сбросила сумку.

— Вербку!

Нерта уже вытаскивала ее из мешка. Я обвязала конец вокруг талии, сунула второй подружке и повернулась к иве. Теперь путь был проверен почти до конца. Если я верну корню прежнее положение, доска ляжет ровно; Нерта сможет подойти ближе, а я доберусь до Дарена с другого края.

Я прижала ладонь к мокрой коре.

Ива помнила насыпь. Помнила тяжесть саней зимой, ног летом, теплую землю под корнями. Я попросила тот изгиб, который уже нашла, и не стала брать больше. Корень дрогнул, пошел в сторону, поднимая со дна грязную воду. Доска легла на него, качнулась и замерла.

— Иди! — сказала я Нерте.

Она шагнула первой, крепко удерживая веревку. Я следом. Мы прошли до ствола, затем по камню, по двум кочкам. Дарен лежал почти в воде, обеими руками держась за жердь. Егерь уже перестал кричать. Это было хуже крика.

Я опустилась на колени у сухого камня, подалась вперед и схватила Дарена за ремень. Нерта обмотала веревку вокруг ствола и навалилась на нее с другой стороны.

— Не тяни его вверх! — крикнула она. — На бок, к корню!

Дарен изменил угол жерди. Егерь дернулся, хлебнул воды, но его плечо показалось над поверхностью. Я ухватила мокрый плащ. Ткань потянулась, шов под моими пальцами треснул. Я перехватила ближе к вороту и вместе с Дареном потащила его к корню.

Корень под водой был живым и крепким. Егерь зацепился за него коленом. Нерта подтянула веревку, и мы втроем выволокли человека на узкую полоску земли между ивой и камнем.

Он лежал на боку, судорожно кашляя. Вода текла изо рта и рукавов. Дарен держал его за плечо, не давая перевернуться лицом в грязь. Я сидела рядом и смотрела, как дрожали мои пальцы.

Левую ладонь я не чувствовала там, где лежал узел повязки.

— Дыши, — сказал Дарен. — Не вставай. Сначала дыши.

Егерь попытался что-то сказать и снова закашлялся. Нерта тем временем вытащила из воды его лук, посмотрела на размокшую тетиву и положила подальше.

— Хоть одна хорошая новость, — пробормотала она.

Я подняла голову. Проход, который мы только что сделали, снова менялся. Корень медленно возвращался к нынешнему изгибу, доска накренялась. На нашем прежнем берегу осталась моя сумка.

— Мешок, — сказала я.

Нерта обернулась.

Мы обе поняли, что не успеем. Доска соскользнула, ударилась о воду и ушла одним концом вниз. Я могла снова попросить иву. Наверное, могла. Но ладонь уже казалась чужой, и я боялась, что следующая просьба возьмет больше, чем я готова отдать ради сухарей.

— Там ставня, — сказала я.

Дарен посмотрел через воду. Сумка лежала на пне, ремень свисал над самой ряской. Он поднялся, взял длинную жердь и попробовал дотянуться. Не хватило совсем немного.

— Оставь, — сказала Нерта.

Я уже сняла лук с плеча. Привязала к стреле тонкий конец веревки, прицелилась в широкий ремень и выстрелила. Стрела ударила в пенек рядом с сумкой. Я потянула — выдернулась сразу.

Второй раз я целилась ниже, в свисающую петлю. Наконечник прошел сквозь кожу и застрял в мягком дереве пня. На этой стреле был широкий обратный зубец; он вышел за ремень и при обратном движении зацепился за толстую кожу. Я осторожно натянула веревку, затем дернула в сторону. Наконечник выломал рыхлый край пня, удержав ремень на зубце. Сумка упала в воду.

— Тяни, — сказал Дарен.

Он встал рядом и помог, не забирая веревку из моей руки. Мы подтащили мешок к корню, Нерта зацепила его багром. Ставня внутри шевелилась так яростно, что я сразу открыла сумку, отодвинула повязку и прижала кожу к живому корешку, прося успокоиться. Не менять рост, только не тянуться дальше. На это еще хватало простого слушания.

Обе стрелы погнуло и сломало о пень, в колчане осталось девять. Сухари размокли. Запасная рубаша тоже. Зато нож, огниво в восковой мешочке и деревянная ставня остались с нами.

— Хорошо стреляешь, — сказала Нерта.

— Со второго раза.

— С первого было бы обидно. Я с первого только в забор попадаю.

Я неожиданно рассмеялась. Смех вышел слабый, дрожащий, но настоящий. Дарен посмотрел на меня, и в его усталом лице появилась такая мягкость, что я сразу перестала смеяться и занялась сумкой.

Егерь наконец смог сесть. Он был молод, но не мальчишка; светлая борода на подбородке росла редкими пятнами, а на носу осталась красная полоса от холода. Увидев Дарена, он потянулся к поясу.

Нерта наступила на его руку.

— Даже не думай.

— Там нож, — прохрипел он.

— Удивительно. А я думала, пирог.

Дарен протянул ладонь.

— Отдай ей. На время.

Егерь посмотрел на его серебро, потом вынул нож и положил на землю. Нерта подняла его, проверила лезвие и убрала за свой пояс.

— Имя? — спросила она.

— Ратек.

— Хорошо, Ратек. Когда снова захочешь нас задержать, вспомни, как у тебя вода из носа текла.

Он покраснел, но промолчал. Дарен дал ему флягу. Ратек выпил маленький глоток, закашлялся и вернул.

— Мне сказали, вы сошли с ума, — произнес он наконец. — Что женщина распустила Охоту.

Я посмотрела на него.

— Ночью все еще сидели на своих конях. Могу подтвердить. Видела близко.

— Я не знал.

— Теперь знаешь.

Он опустил глаза. Я вытащила ставню и показала ему корни.

— Ветлины. Там люди. Мы идем за ними.

Ратек устался на железную рыбку.

— У меня такой крюк дома. С этим клеймом. Кузнец делала на ярмарке.

— Мила, — сказала Нерта. — Моя сестра.

Егерь поднял на нее взгляд. Что-то в его лице изменилось: до этого перед ним были беглецы, теперь появилась женщина, которая боялась за другого человека.

— Говорили, селение погибло.

— Говорили, — повторила Нерта. — А ты сам видел?

Он покачал головой.

Дарен поднялся и проверил ближайшую кочку жердью. Вода теперь молчала. Голоса исчезли, словно насытились нашим страхом, но я не собиралась проверять, надолго ли.

— Отсюда до твердого берега два перехода, — сказал он. — Потом можно идти к старой смолокурне. Там есть дорога на запад. Ратек, ты вернешься по ней.

Нерта резко повернулась.

— И приведет остальных?

Дарен посмотрел на егеря.

— Может быть.

— Тогда зачем отпускать?

— Потому что иначе нам придется связать его и тащить с собой. Или оставить здесь связанного. Я не стану делать второе.

Нерта открыла рот, затем закрыла. Я понимала ее злость. Мы рисковали ради человека, который еще час назад хотел остановить нас. Теперь он мог рассказать, куда мы пошли. Но другого хорошего решения у меня тоже не было.

— Пусть скажет правду, — произнесла я. — Не ту, которую ему дали. Ту, которую видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.